

USTAZLAR SHEJIRESI

80-летие Камала Мамбетова

ЖИЗНЕННЫЕ ИСПЫТАНИЯ КАМАЛА МАМБЕТОВА

З.Шамуратова – доцент

Нукусский государственный педагогический институт имени Ажиязия

Камал Мамбетович Мамбетов (1940-2020) – известная личность в современной истории Каракалпакстана. В справочниках литературоведов он представлен как учёный и писатель. Однако по первой специальности К.Мамбетов – журналист. В 2020 году заслуженному деятелю науки Каракалпакстана, лауреату премии имени Бердаха, доктору филологических наук, профессору Камалу Мамбетову исполнилось бы 80 лет.

К.Мамбетов – многогранный учёный, автор как литературоведческих изысканий (статей, монографий), так и собственного художественного творчества (рассказов, повестей, романов). Его рассказы и повести одинаково любил читатель, а литературоведческие труды получили высокую оценку специалистов. Да и сам К.Мамбетов был личностью неординарной. Заветной идеей для К.Мамбетова стали исследования истории и этнографии каракалпакцев, достижения творчески зрелых художников прошлого и начинающих, молодых. С именем К.Мамбетова связано решение таких актуальных для литературоведения проблем, как фольклор и литература, история родной литературы, традиции и новаторство, герой современной литературы.

Особое место в жизни и творчестве Камала Мамбетовича занимало поэтическое слово средневековых восточных поэтов. К.Мамбетов словно взял за основу правила О.Хайяма в достижении успеха: «знать больше, чем остальные, работать больше, чем остальные, ожидать меньше, чем остальные».

Две памятные даты в своей жизни Камал Мамбетович праздновал широко, с размахом, как и подобает творческой личности, который заслужил этот день: восьмидесятилетие горячо любимой мамы Аймекен Рейипназар кызы и свое 50-летие. Попав как-то на той в семью Мамбетовых, была поражена убранством главной гостевой комнаты дома. Обычно в наших аулах своеобразным признаком сельской эстетики было изображение на стенах комнаты цветочков, птиц. Дом человека – визитная карточка хозяина, не только свидетельство достигнутого им материального достатка, это был его мир, его крепость, куда он допускал почётных гостей. В просторной, не обремененной мебелью комнате, гордо именуемой «зал», взор гостей привлекало следующее: по всему параметру стены движется караван «кораблей пустыни», каждый из которых тащит на горбу хурджуна, на который затейливой арабской вязью нанесены четверостишия восточных поэтов о жизни, судьбе, учении, справедливости. Рассчёт хозяина был очевиден. Гости, удобно расположившись на курпачах, за пиалой горячего чая будут рассуждать о бренности бытия, задумаются о смысле жизни. Не зря цитируются строчки из много странствовавшего по свету Ажиязия:

*«А чтоб товары в Чин-Мачин и Бухару везти,
Чтоб в Русь отправиться, чтоб связь с Гератом завести,
Чтоб на большой базар попасть, не задержась в пути,
Верблюдов мощных бы иметь с двумя горбами нужно».*

Вереница верблюдов, несущих мудрость веков – подборка цитат из Рудаки, Саади, Омара Хайяма, Алишера Навои, Махтумкули, Кунходжи, Бердаха, Ажиязия. Надписи демонстрировали гостям приверженность Камала Мамбетовича восточной поэзии, его идеалы, подтверждали, что хозяин дома был филологом от рождения, глубоко чит и превыше всего ставил красоту поэтической речи, был пронизан поэзией великих поэтов Древности, зачарован волшебством фарси – царицей восточной лирики. На расспросы гостей Камал Мамбетович неизменно

отвечал: «Это караван мыслей великих поэтов Востока. Они мои путеводители в мире художественного творчества и науки. Я попытался найти ответы на мучавшие меня вопросы в поэтических истинах великих философов, оставленных потомкам. Это – альфа и омега моих блужданий во мраке бытия, моих поисков».

Известно, что поэзия восточных философов – ценность, в течение веков служившая людям, не только доставляла эстетическое удовольствие; по ней соизмеряли жизненные установки, педагогические воззрения, поэтому она сопоставима с понятием «скрижаль». Скрижаль – доска, каменная стена, с нанесенным на неё священным, культовым текстом, то, куда заносятся памятные события, даты, имена; место, хранилище идей, воспоминаний и т.п. Хранимая скрижаль – олицетворяет Божественное знание, и неразрывно связано с Божественным предопределением (кадар). Один из главных принципов ислама: кадар – предопределение, судьба – предопределение Аллахом всех событий в мире и всех человеческих поступков. Словно священные скрижали, несущие божественный завет, рубай великих восточных поэтов, для Камала Мамбетова были светочем в ночи, источником мудрости, откуда он черпал вдохновение, применимо здесь в высоком смысле слова. Живший в «темном средневековье» поэт – философ Омар Хайям мечтал подчинить себе скрижаль судьбы:

*Когда б скрижаль судьбы мне вдруг подвластна стала,
Я все бы стер с неё и всё писал сначала.*

*Из мира я печаль изгнал бы навсегда,
Чтоб радость головой до неба доставала.*

Сама судьба именитого учёного и писателя Камала Мамбетова была предопределена свыше. Мне почему-то казалось, что истины на стенах должны быть апофеозом его творчества, и в них скрыт глубокий сакральный смысл. Да, это было непривычно, но комната словно говорила: «да я такой», «принимайте меня таким».

Отдельные истины напоминали нам, педагогам: «Блажен, кто сможет на земном пути // Сокровища познаний припасти» (Саади). Ему вторил отец персидской поэзии Рудаки: «Тех, кто, жизнь прожив, от жизни не научится уму, // Никакой учитель в мире не научит ничему».

Конечно, жизненным и творческим ориентиром для Мамбетова был Бердах, стихи которого ставят высокую цель – служению народу:

*Поэт, да будет звучен голос твой,
Ищи слова, о жизни песню твой,
Будь чист и пред людьми, и пред собой,
Насколько хватит сил, служи народу!*

*В народе – сила и мечта твоя,
Ты вне его не мысли бытия.
В какие б ты ни заходил края,
Свой труд и жизнь свою отдай народу.*

Стихи Ажиязия, напоминали, что джигиту необходим надежный друг.

*Коль мужествен и храбр джигит
И сердцем для людей открыт,
Отвагой грозной знаменит –
Такому друг надёжный нужен.*

Истины древних поэтов сопровождали Камала Мамбетовича всю жизнь, они станут искомой, найденной и утверждённой мыслью об истоках каракалпакской литературы. Судя по надписям, главной истиной в науке для Камала Мамбетовича были слова Саади: «Учёный без трудов – дерево без плодов». Отсюда его научная и

художественная плодovitость.

Иногда он словно прищипывал своего аргамака, чтобы донести важную весть, оповестить весь белый свет, использовал любую возможность, чтобы донести до читателя свои открытия, мысли. Его исследования открывали и без того известные предкам истины, что каракалпаки с древнейших времен создавали свою историю, строили свою жизнь в соответствии с общевосточной культурой и религией, обладали своей письменностью. Симптоматичны названия его книг: «Традиции восточных классиков в дореволюционной каракалпакской письменной поэзии» на соискание ученой степени кандидата наук (1969г.), «Истоки становления и формирования каракалпакской литературы (с древнейших времен до XVIII века)» на соискание степени доктора филологических наук (1984г), монографий: «Древняя каракалпакская литература»(1976), «История каракалпакской литературы » (1983), «Литературные памятники Древности» (1986), «Фольклор и письменная литература»(1978), «Каракалпакская литература XIV-XVIII веков»(1981), «Навои и каракалпакская литература» (1991), «Каракалпакская литература Древности»(1992), «Узбекско – каракалпакские литературные взаимосвязи»(1992), «История восточной литературы»(1993), «Родословная каракалпаков»(1993), «Этнографическая история каракалпаков»(1995), многочисленные статьи, среди которых «О классической литературе», «Вопросы обучения литературному наследию» и др. Каким же он был в жизни? Картина его жизни складывалась после бесед с Улбосын апой, вдовой Камала Мамбетовича. Да и совместная работа на филологическом факультете университета, позволяющая поделиться с некоторыми впечатлениями, врезавшимися в память.

К.Мамбетов родился 14 мая 1940г. в совхозе имени Матеке Жуманазарова Кегейлийского района, в крестьянской семье. Отец погиб в грозном 41-м, на фронте, куда его призвали из Кегейли. По отцу Камал скучал. Мать осталась вдовой в 27 лет, не смогла забыть своего мужа, так и не вышла замуж. Мечта была у нее заветная: сына единственного выучить, «сделать человеком». А человеком он мог стать только будучи трактористом. Таков был предел мечтаний женщины из аула. Простодушная женщина, полагала, что профессия тракториста самая почетная, самая востребованная.

Приглашенная на свадьбу сына Камала Мамбетовича, я снова встретила с его матерью. Меня поразили к ней две вещи: мать Камал аги – простая каракалпачка с высоким тюрбаном на голове, в цветастом, надетом по случаю платье. Всю жизнь трудилась на поле в ауле, а тюрбан свой несла, словно на голове у нее царская корона. В свои восемьдесят лет она держала себя не высокомерно, а весьма достойно, как и подобает матери прославленного сына. Она была приветлива и без конца засыпала гостей добрыми напутствиями и пожеланиями.

Когда сын предпочел вместо карьеры тракториста учебу в Ташкенте, на факультете журналистики, Аймекен апа долго не могла понять, что за профессия журналист. Однако сын выбрал профессию беспокойную, шумную, требующую постоянного пребывания не посреди зеленой нивы, а среди людей. В 60-е годы журналистика Узбекистана как раз набирала силу. При ТашГУ открылся факультет журналистики. Ему повезло: однокурсниками стали Уткир Хашимов, Абдулла Арипов, Шукур Халмирзаев, те, кто закладывал основы новой узбекской литературы. Его друг, преподаватель Шернияз Калниязов, вспоминая годы учебы Камала, рассказывал, что Камал сначала плохо говорил по-узбекски, отсюда его стеснительность. Мне было трудно поверить в эту природную черту Камала Мамбетовича. Работая на одном факультете пришла к мнению, что Камал Мамбетович был полиглотом, обладал даром красноречия, причем легко, безо всякого акцента

переходил с каракалпакского на языки соседних народов, словно с детства говорил только на этих языках.

На одном из шумных хлопковых застолий, где собрались преподаватели – филологи, судьба которых забросила на просторы Шуманайского района, заводилой был Камал Мамбетов – грузный, с широким, добрым лицом, с заплывшими монгольскими глазами. Легким движением руки он закидывал упавшую на лоб прядь волос. Как зачарованные следили молодые преподаватели, что за веселыми импровизациями преподавателей, среди которых Камал Мамбетович, занимавший передовые позиции дастархана, сразил всех своим артистизмом. Он легко пародировал известных личностей: узбекских, каракалпакских, казахских, туркменских поэтов. Особенно удавался ему Ибрагим Юсупов, его манера читать свои стихи, с характерной великому поэту хрипотцой. Голосом Ибрагима Юсупова Камал-ага приветствовал нас и даже прочитал одно из его стихотворений. «Точь в точь» – поразились мы тогда и от души смеялись. С Камалом Мамбетовым вступил в соревнование молодой поэт Шарапатдин Аяпов. Он посвоему передал речь И.Юсупова и стремился не отставать от Мамбетова-пародиста, брал самые низкие тона. Оба пародиста восхитили нас, привели к убеждению, что ученый мир – простой, искренний, душевный.

При всей своей простецкой внешности (костюм был мешковат, как бы с чужого плеча, рукава и брюки коротки), Камал ага не мог скрыть, насколько широк он душой. Его внешняя постоянная улыбочка, кажущаяся мягкотелостью, шли от его бесконечной любви и веры в каждого. По-моему, его равно любили как студенты, так и преподаватели. Бескорыстный во всем, наряду с элементарной воспитанностью, как мужчина, взявший когда-то за привычку, отвечать за свои слова и поступки, владел даром убеждать человека в его неповторимости, самооценности. В нем очевиден был интеллигент, воспитавший себя сам, обладатель высокой духовности.

Поначалу он отдал дань журналистике, был директором Каракалпак-фильма(1972-1974), затем зампредседателя Каракалпакского телевидения(1974-1976). Долгие годы шел он от рядового преподавателя кафедры каракалпакской литературы до зав.кафедрой теории литературы университета(1976-1984;1988-1994), избирался деканом филологического факультета(1984-1986), ректором НГУ(1986-1988), председателем комитета Верховного Совета Республики Каракалпакстан(1994-1996),зав.кафедрой теории литературы КГУ(1996-2001), стал автором пяти романов и тридцати повестей, подготовил около пятидесяти статей и рецензий по истории литературы и современного литературного процесса. Коллеги вспоминали, как радостно, словно речь шла о собственных успехах, приветствовал он в статьях и рецензиях новоиспеченных кандидатов наук. Писал о Т.Матмуратове, И.Юсупове, Т.Кабулове, о многих поэтах и писателях, кто поражал его воображение, затрагивал самые сокровенные уголки души и кто вызывал у него восторг и неподдельное счастье от того, что вот он, простой, незамысловатый на вид человек, а какие душевные стихи пишет. Несомненно, под влиянием талантливых поэтов, Камал Мамбетович приобщился к собственному художественному творчеству. На увлечения литературой повлияла учеба и дружба с будущими известными узбекскими поэтами. В начале 60-х годов им опубликованы сборники рассказов «Зайчонок»(1965), «Журавли»(1975), сборник «Повести»(1982).

Улбосын апа вспоминала, что Камал-ага никогда не любил жаловаться на жизненные трудности, не любил беспокоить близких. «Что тебя мучит, что беспокоит, где болит?»- обращалась она к мужу, видя, что его что-то гложет, – «Все хорошо» – неизменно отвечал он. Он не привык жаловаться кому-либо на жизненные трудности, сопровождавшие его.

Матери Камала Мамбетовича –Аймекен Рысназаровой, - при жизни надо бы поставить памятник. Матери он по-

святит лучшее эссе в честь женского праздника. Много лет спустя, когда ее не стало, Камал ага, по просьбе журналистов, к 8 марта написал эссе о матери «Уроки моей матушки, которые ни на что не променяю». Хотя каракалпаки и превозносят мать высоко, считаю, что никто еще не написал столь нежно, с любовью и благодарностью о своей матери. Что значила мать для Камала Мамбетовича? Не могу удержаться, чтобы не привести строчки из статьи его сыновних, полных благодарности и любви к той, которая «рано оставшись вдовой, так и не почувствовала ласки мужа, была отцом и матерью сыну», пожертвовала молодостью, возможностью иметь новую семью, да и всей жизнью – ради единственного сыночка. Тогда, в годы войны, люди еле сводили концы с концами, в ауле не осталось мужчин, женщинам приходилось самим выходить на пашню. Неповоротные, тяжелые орудия труда не поддавались хрупким плечам ослабевших женщин, но они с упорством продолжали пахоту. Так и встает передо мной образ матери, привязавшей на спину ребенка, запрягшей быка, и пахущей. Или, взвалив на спину 40-килограммовый мешок зерна, а сверху еще посадив четырехлетнего, не желающего ножками топтать ревущего сына, потащила 50-килограммовый мешок из Кегейли в Бозатау, на базар. Много позднее, прозрев, он мучил себя вопросами: «Почему я так поступил? Разве мало было груза у нее на спине?» «Она не попрекнула сына ни единым словом. Ибо такое самопожертвование, героизм, присуще только матерям», – заключает он. Так и не познав отца, придя в первый класс, он назвался «Аймекеновым». Имя матери – Аймекен Рысназар кызы, Камал ага назвал только в конце своего повествования, тем самым придав ей обобщенные черты любой матери. Мне кажется, каждый учащийся, да и взрослый должны познакомиться с этим признанием К.Мамбетова. Жаль, нет у нас в календаре праздника «День матери». Это было бы естественным в наших условиях, где матери, наравне с мужьями, в тяжелых условиях войны и послевоенного времени, проявляли героизм в ежедневном служении семье и отечеству. Мать Камала Мамбетова спокойно, без претензий, не гнушаясь тяжелой работы, выполняла свой долг: воспитала достойного сына, ученого, учителя. Не претендовала ни на какие почести. Жила тем, чем бог послал, никогда не роптала на судьбу, не требовала отдачи, не повышала голос. Того же требовала и от сына и внуков. «Она воспитала и меня, когда я переступила порог этого дома. Без претензий помогала мне воспитывать детей, была верной помощницей, помогала по хозяйству», – вспоминает ее невестка Улбосын апа.

Мать Камала ага воспитала и своего сына и впоследствии наставляла его семью, детей. Мудрая старушка говорила: «не гонитесь за богатством: весь мир перед вами». И невестку свою, Улбосын, заставила поступить в институт на историко-филологический факультет, чтобы она имела возможность работать. Аймекен апа помогла воспитать шестерых детей Камала Мамбетовича: троих дочерей и троих сыновей. А ведь Аймекен апа была дочерью благоверных родителей: отец ее – Рейпназар – болыс, имя которого говорило само за себя, был репрессирован, на заре советской власти и детей его, как «байских детей», власти преследовали вплоть до 1991 года.

Годы, проведенные со свекровью в этом доме, Улбосын апа вспоминала с благодарностью. Улбосын апа называла ее мамой. Красивая, живая и непосредственная Улбосын апа, в последние годы сама разболелась. Дорого обходится нашим женщинам преданность супругу, детям, семье.

Камал ага был хлебосол. Скромное свое жилище он любил оглашать веселым хохотом, улыбкой, встречая дорогих гостей. Как ребенок радовался приходу гостей. По словам жены, в годы учебы научился у великих однокурсников готовить плов, шашлык, шурпу. Дома, иногда, готовил на целую семью.

Моя подруга, преподаватель Фатима Абдурахманова, жившая по-соседству, рассказала такой случай. Однажды, муж привез домой к обеду живую рыбу и попросил приготовить на обед. Ни муж Фатимы, ни она сама, не осмеливались отрезать бьющейся рыбе голову и разделать ее. Фатима пошла к соседям. Мимо проходил Камал-ага и увидев Фатиму с рыбой в руке подошел к ней и сказал простодушно: давай я распотрошу рыбу. Что же ты сразу ко мне не пришла? И он, ректор университета, спокойно взял нож в руки и быстро разделал рыбу на части, заметив при этом: «все это ложное стеснение, бог дал человеку рыбу в качестве пищи ...». Фатиму поразило то, что ректор, ее начальник, не забронзовел, как иные представители власти, а оставался до конца человеком, запросто помог справиться с бытовой «женской проблемой».

А уж о доброте и отзывчивости Камала Мамбетовича ходили легенды. Улбосын апа рассказывает. Сидим в аэропорту Ташкента и ждем свой рейс. А он задерживался на неопределенное время. Вдруг подходит старушка и обращается к ним: – «У вас добрые, чистые лица. Сразу видно: люди вы хорошие. У меня кончились деньги, и я не могу улететь домой. Помогите мне». Тогда Камал ага вытащил из кармана двадцать пять рублей и отдал старушке. Довольная старушка поблагодарила доброхотов и закрепила кассе за билетами. Старушка улетела в свою Сурхандарью. А я, продолжала Улбосын-апа, стала укорять мужа: а если мы не сможем сегодня улететь и останемся до утра? Он отдал последние деньги неизвестной старушке, простодушно поверив ей на слово. «Камал ага успокоил жену: ничего, сейчас и мы улетим домой».

Камал Мамбетович любил путешествовать, открывать мир. Что влекло его душу? Он объездил родные края, ездил к ногаям, к ближайшим родственникам каракалпаков, в Индию, в Шриланку. Восток, древний загадочный Восток влек его к себе. После поездки в Индию рассказал нам одну поразившую его картинку: идем как-то по Дели. По сторонам улицы расположились с протянутой рукой просящие милостыню. Мы, насколько могли выдержать наши кошельки, раздавали монеты. Один мужчина продавал молоко из крынки. Рядом лежала женщина с ребенком: они погибали от голода. И я сказал через переводчика, указав на умирающих соседей: почему он не подает им молока? Продавец молока наотрез отказался кормить умирающих, ответив: «Бог дал им жизнь. Бог и возьмет ее». В его словах был свой резон. Он не видел ничего предосудительного в том, что рядом кто-то умирает, его это не касалось. Эта сценка и ответ молочника никак не укладывались в голове атеиста Камала Мамбетовича, рожденного и воспитанного моралью: «человек человеку друг, товарищ и брат», в любую трудную минуту на помощь тебе придет брат, коллега, друг...

Впоследствии, Камал Мамбетович, видимо понял особенность религии индусов: жизнь дана как мгновение, умерев, человек вновь возродится на этом свете в соответствии со своей кармой, в виде мотылька, или человека... Противоречие жизни пришло в противоречие с гениальными истинами пророков. Мир не изменился на Востоке, который он боготворил и знал по высказываниям великих поэтов. Наверное, Камал Мамбетович решил, что его современники не вняли восточной мудрости, которую исповедовали предки мусульман.

Защита его докторской диссертации также обрела свою негативную историю. Перед самой защитой он был предан коллегами. Как водилось в преподавательской среде, кто-то не поленился и написал анонимку в ВАК аж на 15 страниц. В анонимке услужливой рукой «друга» перечислялись все «ошибки и недостатки» его научного труда. Фактически вся работа сводилась к нулю. Домой прислали письмо, где сообщалось, что защиту К.Мамбетова откладывают.

Улбосын апа в тот день с матушкой ждали его, как обычно, к обеду. Камал ага пришел, помыл руки, сел за

стол. Женщины, не ведая, что в конверте, решили на всякий случай подождать, пока он поест. Только потом они рассказали о злополучном конверте. Камал Мамбетович прочитал письмо и изменился в лице. Разъяренный, схватил дастархан и со всем содержимым, грохнул его оземь.

Эта диссертация, где он убеждал о самоценности каракалпакской литературы, истоки которой в древности, и что традиции ее продолжают современные поэты, стоила ему волнений, бессонных ночей, тысяч выкуренных сигарет. Для ученого, диссертация – его любимое детище, выношенное им с великим трудом, в споре с невидимым оппонентом, доказательство его научной состоятельности. Одним росчерком пера перечеркивался многолетний труд ученого. В мгновение ока, диссертация, безжалостной рукой «доброжелателя» и верящей ему ученой коллегии, могла оказаться в мусорной корзине. Я часто видела этих бедолаг, затравленных негодьями, которых язык не поворачивается назвать коллегами. Иные преподаватели доносили на своего же товарища, когда он выходил на финишную прямую – защиту. И аттестационная комиссия, словно спохватившись: как же мы допустили такую работу, выносила свой вердикт. У диссертанта – инфаркт, инсульт. Сколько диссертантов пострадало от подметных писем. Главное, что они ускоряли смерть ученого, решившего сказать свое слово в науке. Только в 90-е годы был положен конец беспределу с анонимками: их перестали брать в расчет.

Да, такая была в 1980-х годах совсем не дружественная атмосфера в вузе. Засилье анонимщиков. На советах единодушно голосовали «за» говорили комплименты, желали удачи, а по ночам стряпали анонимки на своего товарища в ВАК или местный обком. А там серьезные товарищи рассматривали эти «сигналы трудящихся» и принимали меры. В 1984 году он во второй раз повторил попытку защиты, и эта попытка закончилась успехом. Камалу Мамбетовичу, видимо, пришлось смириться с мыслью, что подметные письма «доброжелателей» – неизменные спутники всякой научной идеи ученого. Только оспаривались они не в честном научном бою, а исподтишка, из мышинной норки. Все же анонимка стоила ему нервов, здоровья. И, как следствие, у Камала Мамбетовича начался тремор. Было искренне жаль этого могучего человека, хотя он и не показывал виду. От жизненных невзгод и потрясений, его красивая, слегка посеребренная голова с шевелюрой густых волос, стала предательски трястись. Было искренне жаль его.

Личность, использовавшая цитаты на стенах собственного дома, выдавали не только его научные пристрастия, но и главная цель: доказать, что в средние века каракалпаки уже обладали бесценным даром, тогда же сформировался поэтический язык, взгляды шаиrow, культура исполнения, повлиявшие на формирование литературы последующих веков, его идейно – художественное многообразие. В противовес тому распространенному примитивному мнению о безграмотности каракалпаков до революции, благодаря К.Мамбетову, Конысбаю Камалову и другим ученым удалось привлечь внимание культурного мира, пересмотреть взгляды на многие вещи.

Идеи К.Мамбетова приучали мыслить в едином порыве со всем тюркским миром, со всем исламским миром. Его поклонение перед соловьями Древности, выбор известных мыслителей средневековья, свидетельствовали о непреклонности убеждений, его мировоззрения, это был его мир, его увлечения, цель его жизни. Эти идеи он стремился закрепить в сознании современников –детей и взрослых, в своих книгах, статьях и произведениях, доказывая: поэзия восточных поэтов – целый мир. Это наше

духовное наследие, доставшееся от предков – соловьев пустыни.

Я сравнивала его с могучим карагачом, мирно раскинувшим свои ветви у бурной реки. Но буйная река подтопила корни дерева, и оно оказалось один на один со стихией. Одно неосторожное движение –и дерево падет. Чувствительный удар нанес ему сын. Ведь предательство близких бьет по самолюбию человека больше других. Судьба Рудаки, несмотря на все таланты, высокие качества бессмертных касыд, данных ему Всевышним, говорит об обратном: к концу пути он не избежал человеческого горя. Несмотря на близость к шахскому двору, славу первого придворного поэта, Рудаки вынужден был бежать в родное селение. Большая часть его поэтического наследства была растеряна, а сам он в бедности и слепоте провел последние годы.

Всевышний спас меня от горя, четыре качества мне дал:

Прославленное имя, разум, здоровье и хороший нрав.

Любой, кому даны всевышним четыре качества такие,

Пройдет свой долгий путь без горя, людских печалки не узнав.

Казалось бы, таков удел многих великих. Но эту касыду можно трактовать иначе: судьба человека не бывает однозначной; она посылает ему испытания славой, богатством, горем, болезнями, бедностью. Все дело в том, как человек распорядится посланными ему дарами. Рудаки обессмертил свое имя в веках. Камалу Мамбетову судьба дала многое: семью, детей, разум, здоровье, прекрасную работу, которая помогла ему реализоваться как ученому и писателю. Он потратил годы на творческий поиск и открытия, на издание своих книг, читал лекции студенческой молодежи, никогда, ни при каких обстоятельствах не оступился, не покрыл свое имя позором. Опять же, в назидание, совет от Рудаки:

Однажды время мимоходом отличный мне дало совет

(Ведь время, если поразмыслить, умней, чем весь учений свет)

О Рудаки, - она сказала, - не зарься чужое счастье.

Твоя судьба не из завидных, но и такой у многих нет.

Жизнь Камала Мамбетовича, подпитанная и озаренная любовью матери и супруги, детей, дала возможность заниматься любимым делом, принесла ему славу. Можно сказать, что он был по-своему счастлив, открывая народу его прошлое, историю, искусство и литературу, быт и нравы, тем самым подтверждая, что истоки каракалпаков прочные, берут свое начало в глубине веков. Наверняка его донкихотство, возвышенный взгляд на мир, людей, принимали не все. Но он этим жил. Это был его мир,

Улбосын апу хочется подбодрить, сказать добрые слова поддержки. Ведь это с вашей помощью он стал тем, кем хотел быть – ученым, литературоведом, учителем молодежи, создал книги, идеи которых он вынашивал и советовался с вами. Вам впору принимать поздравления и низкий поклон. Благодаря вам наша литература приобрела достойнейшего человека, самоотверженную личность, бросившего на амбразуру науки всего себя. Сама ваша совместная жизнь, на мой взгляд, так и просится на страницы романа.

...Через много лет я переступила порог дома, где жил ученый. Надписи на стенах, к моему сожалению, были стерты. Наверное, они неуместны в доме, в котором не было хозяина, свято верившего в незыблемость древних истин. Удаленные со стены, они проникли в его душу, остались там навсегда. Он был верен своим скрижалям до конца жизни. Он пронес их через все жизненные невзгоды, горе и радости.